

Степан
Максимович
Максимов
1892—1951

*К*омпозитор, педагог, организатор
музыкального образования,
музыкант-просветитель, музыковед-
фольклорист, артист оркестра.

ИЗ ПЛЕЯДЫ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ

Умя С.М. Максимова в музыкальном искусстве Чувашии — одно из самых известных и уважаемых. Достаточно сказать, что широкую славу за пределами республики чувашской музыке уже в 1920—1930-х гг. принесли его фольклористические и композиторские труды. Равного по масштабу и научному уровню музыковеда-фольклориста в 1920—1930-х гг. не было в других республиках Поволжья. Его заботами о кадрах национального музыкального искусства в Чебоксарах начали свой творческий путь несколько поколений музыкантов всех специальностей. Одна из хоровых обработок С.М. Максимова — «Алран кайми аки-сухи» (ему же принадлежат записи и публикации фольклорных прототипов этого произведения) — и сегодня является неформальным гимном современной чувашской интеллигенции и гимном Чувашского национального конгресса. Наряду с В.П. Воробьевым и Ф.П. Павловым он входит в плеяду музыкантов, которых принято называть основоположниками современного профессионального музыкального искусства Чувашии.

Родился С.М. Максимов 30 (по старому стилю 18) октября 1892 г. в с. Яншихово-Норваши Цивильского уезда в крестьянской семье. После окончания в 1907 г. двухклассной школы в родной деревне, в течение четырех лет он учился в Симбирской чувашской учительской школе. В это время юноша уже лишился возможности общаться с родными, которые в поисках счастья на волне «стольпинской реформы» переселились на новые земли в Сибирь, оставив шестнадцатилетнего юношу на казенное попечение в школе.

Завершая учебу, Степан обратил на себя внимание инспектора школы И.Я. Яковлева успехами в дирижировании и игре на скрипке. Он и предложил молодому выпускнику (как и другому выпускнику, его ровеснику и другу — Ф.П. Павлову) преподавать музыку в школе, с условием получения им музыкального образования. В 1914 г. С.М. Максимов экстерном закончил регентские классы Казанского музыкального училища и в 1911—1925 гг. преподавал в Симбирской чувашской школе игру на скрипке, а также руководил струнным оркестром (с 1912), симфоническим оркестром и хором (с 1913).

Степан Максимов —
выпускник
Симбирской чуваш-
ской учитель-
ской школы. 1911 г.

О годах совместной работы в яковлевской школе Ф.П. Павлов вспоминал: «Игре на музыкальных инструментах обучали О.Ф. Крамер, Н.И. Попов, Н.П. Лыбин, С.М. Максимов. Среди них на протяжении первых же двух лет выделился С.М. Максимов. Под его руководством начал работать симфонический оркестр, его усилиями он рос и совершенствовался». В частности, Максимов (попеременно с Павловым) дирижировал оркестром при постановке в 1913 г. сцен

из оперы «Жизнь за царя» в школе. Об этом исполнении губернская газета писала: «...Утонченность подготовки хора и оркестра такова, что слух чувствует ее сразу. Каждый хор, каждая ария вызывает бурные аплодисменты. «Чуют правду...» поет г. Павлов. Голос не громовой, но удивительно обработанный. «Не о том грушу, подруженьки...» изнывает Антонида (г. Эсливанова), и гром рукоплесканий покрывает ее голос. А буря оркестра при исполнении «Славься» или «Камаринского»? В зале чувствуется общий подъем духа. Забыто, что все это ученическое и самодельное. В числе гостей есть самые тонкие и строгие ценители. И все растроганы, увлечены».

К композиторскому творчеству учитель С.М. Максимов обратился после опытов записи чувашских народных песен в 1915—1916 гг. В 1917 г. им были созданы и исполнены в Симбирске на первом чувашском съезде обработки народных песен для хора без сопровождения. Их партитуры составили первый в истории чувашской музыки сборник национальных музыкальных произведений «Чувашские народные песни, гармонизированные С.М. Максимовым», изданный в Симбирске в 1918 г.

В нем же был опубликован хор «Хура вярман урлӑ» (Через темный лес) — первое в чувашском искусстве оригинальное композиторское сочинение на стихи из народной песни. То, о чем говорится в поэтическом тексте этой песни, не могло не затронуть душу начинающего композитора. Первая строфа — о смысле искусства музыки, которому Степан Максимович посвятил себя. Владение искусством пения в традиционном представлении чувашей — критерий зрелости и разумности человека (перевод подстрочный):

Когда шел я через темный лес,
Велели мне листья берез собирать:
Белые, зеленые, ай, белые, зеленые собирать.
Когда вошел я в этот дом,
Велели мне песню спеть,
Ум ли, неразумность ли [чтобы] испытать...

Вторая строфа — о родных, общения с которыми он был лишен с юности. Лишь встреча с близкими людьми способна наполнить человека нежностью и волнением:

Родной мой, ты садись, возьми бокал,
Мы же встанем, поклонимся пред тобой.
Какой же ноги коснемся в поклоне?
Какой же ноги коснемся в поклоне:
Если правой — придет ли ваше [хорошее] настроение,
Если левой — не покинет ли вас это настроение?

С.М. Максимов
(в центре) с ученика-
ми: К. Пиме-
новым, А. Ивановым,
Г. Андреевым,
П. Алешиным. 1930 г.

С первого прикосновения к фольклору молодым композитором был глубоко схвачен дух чувашской народной песни. Многогранны и выразительны раскрытые С.М. Максимовым образы народной песни. Здесь и печаль расставаний, доходящая до трагизма (рекрутская «Уй варринче»), и спокойная рассудительность умудренных жизнью немолодых людей (гостевая «Уя тухрәм, уй куртәм»), и нежная красота юности, забавляющейся в хороводах («Хёвел тухать анатран»), и вакхическое веселье крестьянского застолья («Лут-раях та шёшкё»), и стремительная, массивная поступь обрядового свадебного действа («Хёрёх чалаш хёрлё ту»). Жанр обработки для хора а капелла и в сопровождении фортепиано всегда оставался излюбленным для С.М. Максимова.

В песнях и хорах, сочиненных им самим, композитор стремился откликнуться на самые современные темы. Он искренне верил в социалистическое переустройство общества, открывшее перспективу культурного возрождения чувашского народа. Такие произведения — «Сăпата» (Лапти), «Шанчăк» (Надежда), «Йёлтёрçсен маршĕ» (Марш лыжников), «Комсомолка Урине» и ряд других — также пользовались успехом в свое время, поскольку они строились на тех же музыкальных основаниях, что и обработки народных песен.

Известный строгостью к своим ученикам, С.М. Максимов был беспощаден и в оценках собственного творчества. Много позже, уже обучаясь в консерватории, он делился мыслями о себе в письме чебоксарскому коллеге В.П. Воробьеву: «Несколько тяжеловато в 40 лет угнаться за молодежью... В особенности трудно работать над

выработкой хорошей техники по сочинению... плюс трудности по выработке своего чувашского стиля... Таков, видимо, удел наш, самоучек и недоучек». Тем не менее, природная одаренность и целеустремленность позволили С.М. Максимову стать подлинным профессионалом, чьи произведения вошли в золотой фонд чувашского искусства. В Чувашии активными пропагандистами его сочинений стали Чувашский государственный хор и Государственный симфонический оркестр.

Высшее образование С.М. Максимов получил первым из чувашских композиторов, окончив в 1930—1935 гг. Московскую государственную консерваторию (класс композиции Р.М. Глиэра и А.Н. Александрова). Обучаясь в Москве, он совершенствовал технику создания вокальных произведений, создал массовые песни, а также осваивал новые для чувашской музыки инструментальные формы и жанры — писал пьесы для камерных инструментальных ансамблей различных составов (струнных квартета и трио, для скрипки, гобоя, кларнета и фортепиано, для скрипки и фортепиано и т. п.). Этапными для чувашского искусства стали одночастная Сонатина для фортепиано (1933), Увертюра для симфонического оркестра (1935).

Выдающийся вклад внес С.М. Максимов в собирание и изучение чувашской народной музыки. Уже Ф.П. Павлов отмечал особую ценность и «фонографическую точность» его записей чувашских народных мелодий. Всего С.М. Максимовым было собрано около двух тысяч напевов и наигрышей, большинство из них издано в Чебоксарах и Москве. Его ценнейшие сборники составили, по призна-

С исполнителем чувашских народных песен Г.Ф. Федоровым. 1949 г.

С.М. Максимов — артист Государственного симфонического оркестра (в середине верхнего ряда). 1948 г.

нию специалистов, настоящую «энциклопедию» чувашской народной музыки. В их числе «Чăваш кĕввисем» (Чувашские мелодии, 1924), «Песни верховых чуваш» (1932), «146 песен, записанных от Гавриила Федорова» (в соавторстве, 1934), «13 чувашских песен нового быта» (1934), «Чувашские народные песни» (1964).

Музыковедческий труд «Чувашская народная песня. Опыт исследования», изданный посмертно в 1964 г. в Москве, обнаруживает научный приоритет С.М. Максимова в освещении ряда вопросов теории чувашской народной музыкально-поэтической системы. В частности, он одним из первых отечественных музыковедов подошел к проблеме музыкальной диалектологии в фольклористике и дал большой материал для ее рассмотрения в книге «Песни верховых чуваш». Изучая песенные лады, существенно дополнил и уточнил представления о пентатонике в чувашской музыке. Большое внимание С.М. Максимов уделил своеобразию ритмического строя чувашской народной песни. Его издания и исследования стали крупным достижением в изучении чувашского музыкального фольклора, выделялись в регионе и даже на общесоюзном фоне. Во многом его трудами, книгами и рукописями, его примером обусловлена высокая оценка, данная в 1970-х гг. крупным специалистом по музыке народов нашего региона венгром Ласло Викаром,

который утверждает, что «Последние сто лет собирания чувашской народной музыки могут рассматриваться как выдающиеся по масштабам и важности в отношении к Советскому Союзу в целом, безотносительно к размерам чувашского населения. По количеству материала и числу публикаций собранное стоит выше среднего уровня».

Третья сфера деятельности С.М. Максимова — организаторская — также развернулась до общенациональных масштабов.

В Чебоксары С.М. Максимов переехал в 1925 г. Здесь он был назначен сначала заведующим Управлением профессионального образования Наркомата просвещения Чувашской АССР. Но уже с октября следующего года Степан Максимович начинает заведовать Музыкальной школой, затем — Чувашским музыкальным техникумом, организованным на базе школы по его инициативе (1929—1930, и, после возвращения из Москвы, 1935—1937).

Большое влияние С.М. Максимов оказал на совершенствование и развитие первого в республике профессионального музыкально-исполнительского коллектива — Чувашского государственного хора. Он организовывал и руководил его продолжительными концертными поездками в Москву и Нижний Новгород (1929), по районам Чувашской республики (1930). Все вопросы, за которые брался Степан Максимович, находили свое разрешение. Например, он добился открытия интерната для чувашских детей при Чебоксарской музыкальной школе в 1926 г., Музыкального техникума (с 1936 г. — училище) в 1929 г., преобразования хора музыкальной школы в хоровую капеллу (ныне это Государственный академический ансамбль песни и танца), привлечения на работу в Чебоксары музыкантов, которые стали здесь крупными деятелями искусства (В.М. Кривоносов, И.В. Люблин, С.И. Габер), организации в середине 1930-х гг. серии заказов произведений на чувашские музыкальные темы московским композиторам, среди которых были и такие знаменитости своего времени, как В. Белый, М. Коваль, А. Александров, М. Гнесин и другие мастера советского искусства.

Вернувшись из консерватории в 1935 г., С.М. Максимов продолжает энергично действовать. Он мечтает о создании национального оперного театра. Для этого резко увеличивает набор на вокальное отделение музыкального училища. Ездит в новые экспедиции, готовит музыкально-фольклорные издания, сочиняет.

В 1936 г. он пишет в Наркомпрос: «...Я намерен посетить Тифлис, Баку, Ашхабад и Ташкент, завязать на месте связи с музы-

С.М. Максимов
(справа) и народный
поэт Чувашии
П.П. Хузангай
(второй слева)
в поездке к чувашам
Сибири.
Июнь 1951 г.

кальными деятелями, послушать национальную оперу, оркестры народных инструментов, ознакомиться с постановкой подготовки музыкальных кадров, а также сделать в кругу музыкантов доклад о развитии музыкальной культуры в Чувашии, а при возможности устроить концерт чувашской музыки...». В начале 1940-х гг. С.М. Максимов предполагает организовать в Москве Декаду чувашского искусства, какие тогда ежегодно проводили союзные республики. Масштабы деятельности и реальный вклад в дело развития музыкального образования в Чувашии 1920—1930-х гг. позволяют назвать его музыкантом-просветителем, продолжателем дела И.Я. Яковлева в своей области.

Но время, в которое жил и творил С.М. Максимов, не только раскрывало призвания и таланты. Оно ставило человека перед нравственным выбором — и многие пали жертвой социальной демагогии, выдававшей за светлые идеалы человечества. Деятельность С.М. Максимова была пресечена необоснованными политическими обвинениями и десятилетним заключением. Ставшие недавно достоянием гласности документы бесстрастно свидетельствуют, что композитор в любых обстоятельствах сохранял человеческую порядочность и профессиональное достоинство. С сентября по декабрь 1937 г. в его адрес нарастал поток публичной клеветы в якобы его «борьбе против мероприятий, проводимых советской властью в области

национальной политики». 19 октября его исключили из партии, 28 октября сняли с должности директора техникума, 7 декабря уволили с рядовой преподавательской работы. 18 декабря он был арестован, 30 декабря осужден. В этот тяжелейший период он никого не предал, наоборот, пока имел возможность и влияние, на собраниях, посвященных «выкорчевыванию врагов народа», пытался защитить честных музыкантов, таких как пианист И.В. Люблин, виолончелист Л.Э. Остен-Сакен (вслед за ним арестованы и расстреляны), певица А.И. Токсина и др.

Так, в расцвете сил, едва перешагнув сорокапятилетний рубеж, С.М. Максимов лишился возможности заниматься творчеством, исполняться, издаваться. После возвращения из лагеря в 1947 г. ему не разрешали преподавать в созданном им музыкальном училище. Степан Максимович до конца жизни работал артистом симфонического оркестра Чувашской государственной филармонии — играл в группе альтов и занимался оркестровкой чужих сочинений. Он продолжал записывать народные песни от Г.Ф. Федорова, создал несколько новых песен (наибольшую популярность завоевала «Савнишён сунатӑп» (Тоскую по милому) и перерабатывал собственные хоровые обработки — теперь для сольного пения с фортепиано (ибо хоровые коллективы не брались исполнять его сочинения).

Реабилитация, коснувшаяся его в 1955 г., уже не застала выдающегося сына чувашского народа в живых (умер он 26 августа 1951 г. в Чебоксарах). Но творчество С.М. Максимова, несмотря на перипетию личной судьбы, не исчезло из памяти людей. Сохранились — в спецхранах и у музыкантов — ноты и книги, продолжили его дело ученики. Музыка С.М. Максимова вернулась к жизни, вошла в плоть и кровь современной чувашской культуры. Его имя присвоено Чебоксарской детской музыкальной школе №1, старейшей в Чувашии, а также одной из улиц г. Чебоксары.

М.Г. Кондратьев